

С. М. БЫЧОК

Республика Беларусь, г. Могилев

ГЕНЕЗИС КОНЦЕПЦИИ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1939–1941 гг.)

В советской историографии, как известно, данная концепция базировалась на комплексе идеологизированных утверждений, под которые подгонялись исторические факты, которые противоречили ее основной идее. Эта идея заключалась в том, что борьба за мир

136

якобы является краеугольным камнем политики, ради которой СССР был готов идти даже на определенный ущерб защите собственных национальных интересов. Имевшие хождение в 70–80-х гг. прошедшего века шуточные народные афоризмы («Кто над нашим миролюбием посмеется, тот кровавыми слезами обольется») или «Нам нужен мир, желательно весь!») свидетельствовали, что часть советского общества относилась к этой идее довольно скептически. Неслучайно это утверждение было основным в цепи аргументов, перечисленных И. В. Сталиным в качестве оправдания поражений Красной Армии в первые недели войны. А именно: Германия была лучше готова к столкновению с СССР в силу изначальной агрессивности ее политики и нацистской идеологии; СССР же, наоборот, проводя курс защиты мира, естественным образом оказался жертвой вероломства Гитлера, будучи в силу этого хуже подготовленным к оборонительной войне.

Абсурдность подобного аргумента с точки зрения здравого смысла отнюдь не смущала советского вождя, стремившегося любой ценой скрыть от народа банкротство собственных расчетов по поводу хода Второй мировой войны и оценок вероятности нападения фашистской Германии на СССР летом 1941 г. Между тем внешнеполитическая цель коммунистической идеологии, наступательный характер советской военной доктрины и войсковой подготовки в приграничных округах вызывал у мало-мальски думавших советских людей непроходящее недоумение по поводу подобного объяснения трагического начала Великой Отечественной войны.

Озвученная 3 июля 1941 г. Сталиным первоначальная версия событий предвоенного периода на международной арене и начального этапа боевых действий на территории СССР переводила истолкование произошедшего в область мифологии, как-то: лучшие дивизии вермахта уже разбиты, однако враг упорно рвется на восток, а Красная Армия никак не может остановить, но победа будет за нами, ибо на нашей стороне коренные преимущества социалистического общественно-политического строя, руководящая роль партии, морально-политическое единство государства и народа и т. п. Позднее, в ноябре – декабре 1941 г., эта харизматическая схема дополнилась еще одной «блестящей» сталинской идеей: контрнаступление – лучший вид наступления. Снабженная рядом других столь же сомнительных доводов вождистская концепция жила вплоть до XX съезда КПСС. Во времена «оттепели», частичной десталинизации советского общества ее облик подвергся серьезной модернизации. Во второй половине 50-х – первой половине 60-х гг. военные историки серьезно изучили конкретные причины катастроф РККА летом – осенью 1941 г. (последствия репрессий против командных кадров Советских Вооруженных сил, запаздывание с перевооружением войск, особенно авиации и бронетанковых частей, другие просчеты в подготовке СССР к войне с гитлеровской Германией), приоткрыли завесу над стеною отрицательного действия субъективного

фактора (Сталина) на этот процесс и подошли к определению реальной цены победы (названа ошеломляющая цифра – 20 млн погибших советских граждан). Тем не менее основная идея первоначального (сталинского) варианта концепции – СССР готовился к оборонительной войне против возможной агрессии, но не успел к моменту фашистского нападения довести эти приготовления до конца – осталась неизменной. Невнятными оставались официальные толкования вокруг пресловутого «фактора внезапности», «подаренного» И. В. Сталиным и его окружением вермахту в качестве невероятной «форы» на начальном этапе военных действий. Были изобретены и совершенно фантастические доводы, вроде: «Сталин верил Гитлеру», или «стремясь оттянуть начало войны, вождь маниакально боялся ее спровоцировать и поэтому запрещал приводить войска в состояние повышенной боеготовности».

В период «застоя» (70-е – первая половина 80-х гг.) попытки разобраться в этом непостижимом геополитическом просчете были жестко пресечены. В обстановке наступления «неосталинизма» на первый план выходит героика Великой Отечественной войны; преступления сталинского режима переводятся в ранг трагических, почти неизбежных

ошибок и недоразумений, а субъективные причины поражений и потерь армии и народа задвигаются далеко на второй план под давлением все оправдывающего объективного фактора (Германия к июню 1941 г. обладала значительным военно-промышленным превосходством над СССР). Достоверные сведения о реальном соотношении сил на начало войны тщательно скрывались в недоступных архивных фондах.

В атмосфере гласности второй половины 80-х гг. – постепенного раскрепощения общества от идеологического диктата компартии – ряд историков войны, стремясь отойти от официальной советской версии событий 1939–1941 гг., переводят традиционный спор о соотношении объективных и субъективных факторов и их роли в трагическом первом этапе войны в этическую плоскость, не имеющую ничего общего с исторической наукой. На советскую внешнюю политику предвоенного периода посыпались обвинения в ее «имперском характере», пренебрежении нормами морали и международного права. Упреки, по меньшей мере, спорные, если не забывать, что внешняя политика всех великих держав всегда ориентирована на расширение зоны геополитического влияния и защиты своих интересов государственных границ.

Хотя к началу 1990-х гг. процесс переоценки истории СССР и зашел достаточно далеко, но основной тезис – об оборонительном характере подготовки к неизбежной советско-германской войне – устоял и не подвергался сомнению.

В 1993 г. начался процесс переосмысления традиционной концепции советско-германских отношений 1939–1941 гг.

Военно-политические вопросы кануна Великой Отечественной войны оказались в центре дискуссии, начавшейся с публикацией в России книг В. Суворова, вызвавших в среде отечественных историков эффект разорвавшейся бомбы. Несмотря на жанр исторической публицистики, в рамках которого они написаны, их автору удалось довольно точно очертить круг наименее разработанных проблем в историографии этой темы. Реакция сторонников официальной советской версии, а их оказалось большинство, среди специалистов была весьма агрессивной. Основная масса ученых, представлявших это направление, огульно отвергала как версию В. Суворова, так и содержание его работ под предлогом одиозности личности автора (бывший резидент советских спецслужб, перебежчик, живущий в Англии). Меньшая их часть совершила своего рода научный подлог, связав в одну цепь защищаемую В. Суворовым версию нацистской пропаганды о «превентивной войне» Германии против СССР (она, как известно, составляла суть немецкой ноты об объявлении войны и вчерне была написана В. Шелленбергом по его

собственному признанию) с отказом даже ставить вопрос о возможности существования планов упреждающего удара РККА по вермахту и советских наступательных приготовлений в целом. Надо думать, в этом случае сработала старая логика исторического мышления, согласно которой государство, первым начавшее военные действия против другой страны, автоматически признавалось агрессором. Уместно в этом контексте иметь в виду, что, вопреки утверждениям официальной пропаганды, в советской военной доктрине второй половины XX в. никогда не отрицалось право нанесения превентивного ядерного удара по вероятному агрессору. Лишь десятилетие назад отдельные авторы (В. П. Бобылев, В. Д. Данилов, М. И. Мельтюхов и др.) обратились к работам Суворова, привлекая для анализа его версии вновь открывшиеся документальные материалы. Они неопровержимо свидетельствуют о том, что советское руководство действительно намеревалось опередить вермахт в его стратегическом развертывании вдоль советской границы и нанести по нему сокрушительный превентивный удар летом 1941 г. [1, 402–403].

Эта свежая точка зрения на политически чувствительный до сих пор исторический вопрос привлекает, судя по последней российской исторической периодике, все больше сторонников, ибо исчерпывающим образом проясняет причины катастрофических поражений РККА в приграничных районах в июне – июле 1941 г. Разумеется, она встречает

возмущенные возражения приверженцев исторической ортодоксии, для которых зачастую политические симпатии и идеологическая целесообразность важнее исторической объективности, а любые новации представляются потрясением священных основ. На наш взгляд, никакого потрясения не может быть: СССР собирался нанести упреждающий удар по армии государства, уже перекроившего карту континента, готовившего ударные группировки на территории захваченных стран Восточной Европы (за исключением Восточной Пруссии) или его союзников в этом регионе для уничтожения нашей страны, наших народов и государственности. И не может быть никаких сомнений в том, что германско-советская война 1941–1945 гг. при любом раскладе исторических обстоятельств была и есть Великая Отечественная война против фашизма.

1. Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. СССР и борьба за Европу. 1939–1941 гг. М., 2002.